

В городе пропагандируют цивилизованные подношения, на могилы возлагают цветы, советуют не сжигать бумагу, чтобы не загрязнять воздух. Кан Яня растили бабушка и дедушка, хоть он и молод, но в глубине души его мышление несколько консервативно. Раньше, когда бабушка и дедушка были живы, он часто слышал, как они говорили: если после смерти никто не будет жевать бумагу и деньги, на том свете будет жалко. Он не боялся, что другие будут смеяться над ним, называя невежественным и феодальным, он просто хотел утешить покойных бабушку и дедушку.

Достав из пакета купленную для бабушки и дедушки бумажную одежду и жертвенные деньги, Кан Янь встал на колени у могилы, сжигал и тихо звал бабушку и дедушку.

Дуань Цифэн не верил в это всё — богов, духов, после смерти человек умирает, и ничего не остается. Но, глядя на спину ребенка, стоящего на коленях у могилы, такую маленькую, худенькую, почему-то в сердце стало больно.

— Дедушка, бабушка, сейчас у меня все хорошо. Дядя Дуань очень хорошо ко мне относится. Я буду послушным, буду старательно учиться, а когда в будущем заработаю денег, я буду содержать дядю Дуаня.

Тихо говорил Кан Янь, голос был тихим, стоявший позади Дуань Цифэн не слышал.

В конце Кан Янь трижды ударил лбом о землю.

Сожгли бумажные деньги и одежду, вышли с пустоши на тропинку, ведущую в гору. Глаза Кан Яня были красными, сразу видно — только что плакал. Плакал он беззвучно, просто молча лились слезы, было грустно. Стоя на тропинке, с покрасневшими глазами, он посмотрел на дядю Дуаня, голос был хриплым:

— Дядя, там еще мои папа и мама.

— Пойдем.

На лице Дуань Цифэна была тень скорби, но Кан Янь, погруженный в печальные воспоминания о родных, не заметил этого.

Четверо поднялись до самой вершины горы. Тропинка уже закончилась, кругом была сорная трава. Но Кан Янь, как знающий все ходы, нашел спрятанные в траве два старых могильных холмика, печально сказав:

— Мои родители ушли четырнадцать лет назад, ушли рано, похоронены в более глухом месте.

На могилы бабушки и дедушки еще приходил дядя, жег бумагу, навещал. А на эти два старых холмика, кроме Кан Яня, никто не приходил.

Дуань Цифэн и Кан Янь выпололи сорняки на могилах. Дуань Цифэн лично зажег свечи, поджег три благовонные палочки и возложил их, затем торжественно трижды поклонился. Кан Янь, стоя на коленях у могилы, сжигал жертвенные деньги, тихо называя папу и маму.

— Я позабочусь о Яньяне.

Дуань Цифэн, глядя на худенькую спину Кан Яня, сказал. Слово давал клятву перед этими двумя старыми могилами.

Сожгли жертвенные деньги.

Спускаясь с горы, Кан Янь был в подавленном настроении, глаза опухли и покраснели, лицо было бледным. У подножия горы они встретили деревенских жителей. Несколько человек переглянулись, не совсем уверенные, Кан Янь ли это, на местном диалекте громко спросили:

— Это внук старика Кана?

Кан Янь отреагировал немного медленно, узнал говорящего, хмыкнул, позвал:

— Дядя Кан.

В деревне большинство носят фамилию Кан, если копнуть глубже — все родственники, но в реальности никакой родственной теплоты и близости не было. У дедушки и бабушки Кан Яня было два сына, но младший сын рано умер, старший сын жил в поселке, редко возвращался. Они вдвоем растили ребенка, положение в деревне было невысоким. В такой бедной отсталой деревне больших дел не было, но по мелочам всегда пользовались стариками, обижали Кан Яня.

Немногочисленные хорошие воспоминания Кан Яня в этой деревне были связаны с дедушкой и бабушкой, деревенских людей он не любил.

Несколько деревенских жителей, увидев, что это действительно он, тут же выразили насмешливые эмоции. Они слышали от внуков и внучек о событиях в интернете. В то время, когда Кан Янь учился далеко в Пекине, он был темой для разговоров всей деревни после еды. Все оживленно говорили, что давно предполагали, другой сказал — такая внешность, прямо как у его матери...

— Ты, малыш, действительно...

Воспользовавшись своим положением, деревенский житель с суровым лицом начал поучать Кан Яня.

Дуань Цифэн с холодным выражением лица, обняв Кан Яня, бросил на него взгляд. Трусливые, задирающие только слабых деревенские жители могли задираться только перед беззащитным Кан Янем. Получив такой взгляд, они невольно замолчали, на лицах появилось беспокойство и неловкость. Даже сейчас, когда ботинки и брюки Дуань Цифэна были в грязи, это не умаляло авторитета человека, занимающего высокое положение, не говоря уже о том, что сзади Лао Кай выглядел явно не тем, с кем стоит связываться.

— Пошли.

Когда их фигуры удалились, старик, который только что от взгляда не посмел говорить, плюнул, ругаясь, сказал, что в интернете говорят правду, в следующий раз в поселке нужно хорошенько поговорить с Кан Айцзюнем о том, как воспитывать ребенка, у этого ребенка испортилось сердце, он опозорил их деревню.

Кан Янь сидел в машине, слушая, как дядя Дуань его утешает, тихо сказал:

— Дядя, я не обращаю на это внимания.

— Значит, скучаешь по папе и маме?

Если не из-за этого, значит из-за родных. Дуань Цифэн взял руку ребенка.

Кан Янь хмыкнул, не зная, с чего начать, но на душе было тяжело, сумбурно, хотелось выговориться.

— У меня нет впечатлений о родителях. Мне было два года, когда они ушли. Это была зима, самые холодные дни января, они погибли в аварии. Дедушка с бабушкой говорили, что моя мама была очень красивой, что мои глаза похожи на мамины, а форма лица — на папину. Когда я был маленьким, мама больше всего любила брать меня с собой в поселок играть. В мой день рождения она всегда брала меня фотографироваться. Папа покупал мне одежду, еще сажал меня на плечи и катал...

Но у Кан Яня не было ни малейшего впечатления об этом, воспоминания о родительской любви он слышал только из уст дедушки и бабушки. Он даже не мог представить себе такую сцену, говорил с растерянным выражением лица, в конце опустил голову и больше не говорил.

Дуань Цифэну стало тяжело, не думая, он привлек ребенка к себе, поцеловал его в голову.

— У Яньяня еще есть дядя, дядя будет дарить тебе много-много любви.

Покрасневшие глаза Кан Яня стали влажными, он незаметно уткнулся лицом в грудь дяди, всхлипнул и хмыкнул.

Хорошо, что есть дядя.

Доехали до города, пообедали в отеле, у Кан Яня не было аппетита, Дуань Цифэн уговорил его выпить чашку супа, затем спокойно смотрел на этот город.

Прошло более десяти лет, здесь мало что изменилось.

Особенно окружающие горные деревни и поселки — по-прежнему серые, бедные и отсталые, как в памяти.

Помылись, переоделись, не задерживаясь, Дуань Цифэн отвез Кан Яня прямо в аэропорт, к пяти часам дня уже были на вилле.

После возвращения настроение Кан Яня все еще было подавленным, плюс учебная нагрузка была большой, Кан Янь сам себя сильно напрягал. Не прошло и недели, как несколько килограммов, накормленные Дуань Цифэном, снова ушли. Дуань Цифэн не злился на Кан Яня, просто в те дни его лицо было не слишком радостным. Он специально нанял повара, специализирующегося на южной кухне, на выходные тоже не пошел в компанию, а отвез Кан Яня в сельский отель, чтобы как следует отдохнуть на выходных.

Еще привезли черного щенка.

Полмесяца назад Хэйцзы родила шестерых, хозяйка оставила двоих, остальных раздала. Новорожденный черный щенок, с мокрыми блестящими черными глазами, облизывая язычком, скулил и был послушным. Кан Янь не мог оторваться, глаза сияли, гладил щенка по голове, очень его полюбил.

Увидев это, Дуань Цифэн предложил хозяину купить, цена, которую он дал, позволила бы купить и дорогую зарубежную породу.

Хозяйка оставила двоих, изначально не собиралась продавать, но в конце концов, колеблясь, согласилась. Во-первых, денег было много, во-вторых, она узнала Кан Яня, поняла, что этот парень искренне любит собак, и была спокойна, отдавая щенка Кан Яню.

Кан Янь получил черного щенка, свет в его глазах словно зажегся заново. Обнимая щенка, он радостно поблагодарил дядю.

Дуань Цифэн от такого взгляда почувствовал, как сердце смягчилось, потрепал ребенка по голове, с нежностью и покорностью в голосе сказал:

— Прямо как маленький.

— Дядя, давай придумаем щенку имя?

— Как назовешь?

Дуань Цифэн не любил домашних животных, ему было все равно, как называть, купил чисто чтобы порадовать ребенка.

Кан Янь действительно любил, серьезно обдумывал имя для щенка, предлагал одно, не дожидаясь мнения Дуань Цифэна, сам сначала качал головой, отказывался, считал неподходящим, проявил усердие, как при изучении живописи. Думал два дня, наконец, решил.

— Дядя, пусть щенка зовут Дуань Канбао, хорошо?

Кан Янь так много думал, что голова заболела, пока не придумал то, что считал красивым и подходящим именем. Собаку купил и подарил ему дядя, лучше, чтобы она носила фамилию дяди.

Дуань Цифэн разве мог сказать, что плохо? Если бы он сказал плохо, ребенок снова начал бы забывать о еде и сне, размышляя над именем. Поэтому он немного подумал, посмотрел на напряженные глаза ребенка, с улыбкой не стал больше дразнить, похвалил:

— Я думаю, очень хорошо.

У новоприбывшего черного щенка появилось официальное имя — Дуань Канбао.

Подавленная атмосфера на вилле после Цинмина из-за детского голоса Дуань Канбао рассеялась без следа. Теперь у Кан Яня каждый день было насыщенное время, после выполнения домашних заданий и рисования, вечернее время для разговоров с дядей Дуанем превратилось во время игр с Дуань Канбао.

Дуань Цифэн изначально не любил домашних животных, по натуре был холоден, но, развлекаясь с собакой вместе с Кан Янем, уже через пару дней и к Дуань Канбао стал относиться благосклоннее.

Считал, что это хорошая собака.

Время летело как ветер, в мгновение ока наступил июнь.

Приближался гаокао, в Пекине было жарко, будто наступило разга лета.

— Яньянь, не нервничай, хорошо сдавай экзамены, дядя ждет тебя на выходе.

Дуань Цифэн погладил ребенка по голове и сказал.

<http://bllate.org/book/15594/1390529>